

Л. РЕЗНИКОВ

ГУМАНИЗМ
ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ
МАСТЕРСТВО

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

750963

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАРЕЛИЯ» 1973

О СИЛЕ ДОБРА

Добро и зло... Гуманность и бесчеловечие... Во множестве легенд, в книгах — с древнейших времен и до наших дней — борются друг с другом эти две силы, свидетельствуя о том, что с самой ранней поры, как только человек стал осознавать себя, он создавал свой идеал добра и, как умел, шел к этому идеалу...

Ныне, когда зло буржуазного мира становится особенно изощренным и лживым, когда оно угрожает уже всему живому на земле, необходимо противопоставить ему не только оборонную мощь, но и нашу духовную силу — силу гуманизма наших идей и чувств.

Трагедии буржуазного мира неизбежны именно потому, что мир этот основан на бесчеловечии. Хортон Худ романом «Погоня» и режиссер Артур Пенн, поставивший одноименный кинофильм по сценарию Лилиан Хеллман, наглядно показали: пресыщенные буржуа жаждут убийства и становятся убийцами... Дух растления, животного буйства, расовой ненависти, религиозного ханжества захватил и отправил конторских служащих, и мелких буржуа, и отцов семейств, и их детей... Произошло именно то, что Маркс кратко называл «самootчуждением человека», и такой процесс превращения человека в зверя становится неотвратим для общества, основанного на «священной» частной собственности.

Научный коммунизм доказал, что только «положительное упразднение частной собственности» может привести к «подлинному присвоению человеческой сущности человеком и для человека», то есть к возрождению человеческой личности и всего общества на подлинно гуманных началах. Он предсказал, что только такой революционный путь, путь прежде всего революционных про-

летариев, есть «полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства достигнутого развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т. е. человечному». Он утвердил: «Такой коммунизм... = гуманизму»¹.

Великое общечеловеческое содержание пролетарской революции в том и состоит, что она — впервые в истории — создала реальные предпосылки для торжества истинного гуманизма (коммунизма). Однако даже самые надежные предпосылки не дают чудесного — немедленного торжества желаемого, а лишь открывают большую дорогу тому, что может и должно свершиться. Эта дорога, как показала история — дорога каменистая, трудная, длинная. Но лишь на ней мужают и хорошеют души, и только измельчавшие мечтают о пути, «чтобы протоптанней и легче».

Как в жизни, так и в искусстве добро может проявляться и просто как доброта сердца человека или художника, и как доброта его честного вдохновенного труда, как сила созданной им жизнеутверждающей красоты. Таковы иные произведения музыки и живописи. Но желание добра человеку и обществу может проявиться и как острая, честная критика недостатков и ошибок — во имя торжества наших идеалов. Наша советская гуманность — сестра и верная подруга непреклонной правдивости. Неодолимые, они всегда вместе. Им не нужны прикрасы. Но они нуждаются в понимании.

Речь в этой статье пойдет о силе добра в нашем искусстве. Точнее — о нескольких произведениях среди множества других, достойных внимания.

1

Повесть Н. Амосова «Мысли и сердце». Автор — крупный специалист отечественной хирургии, член-корреспондент АН УССР. Уже в почтенном возрасте Н. Амосов написал произведение художественное. Почему так получилось? На это можно найти ответ в самой повести, где рассказывается о сложнейших проблемах хирургии сердца и о кибернетике как помощнице медицины, а прежде всего — о хирурге, профессоре Михаиле Ивановиче. Вот его раздумья:

¹ Маркс и Энгельс об искусстве, т. 1, стр. 241.

«Психологам нужно продумать вопрос о стимулах человеческой деятельности вообще. Стимул — это острая палка, которою в Древней Греции понуждали животных. Так и нас.

Природа человека. Что такое человек? Этот вопрос ставился много раз. Отвечали по-разному и часто противоречиво.

Человек от природы добр.

Человек более жесток, чем лютый зверь.

Или он многолик? Что такое добро и зло?

Прогресс? Будущее?

Все это философия, и хотелось бы в ней разобраться, прежде чем умереть. Неужели нельзя сделать, чтобы эти маленькие мальчики и девочки были счастливы и дальше, так же как они счастливы сейчас, если здоровы, сыты и обласканы? И что такое счастье?

...Я вижу страдания людей от болезней. А сколько еще других, которых я не вижу? От унижения достоинства человека, от ушедшей или неразделенной любви, от невозможности понять друг друга?

Что же мне делать?»

Вот та реактивная цепь вопросов, которая начинается с раздумий о человеке, от человека идет к людям, их настоящему и будущему и, перед лицом сложных, противоречивых проблем, возвращается к человеку: «Что же мне делать?»

Нет людей «маленьких», но, к сожалению, есть мелкие, которых такой вопрос не тревожит. Но в большом сердце Николая Амосова живет этот вопрос и требует ответа. Автор — врач. И он хорошо знает, что «учитель и врач — два занятия, для которых любовь к людям обязательное качество».

Человек, постоянно наблюдающий людей, находящийся между жизнью и смертью, такой человек не может не задуматься о близких ему, о судьбах живущих на нашей единственной Земле. Хирург становится психологом. Но мысли о сердце оказываются шире, значительнее не только хирургии, но и психологии. Обуреваемый мыслями, человек ищет формы их выражения и, не переставая быть врачом, становится писателем. Видимо, в этом проявляется один из законов человеческой души: в наивысшем желании добра она становится душою творческой, а искусству — только ему! — оказывается под силу твор-

чески объединить и философию, и психологию, и специальные знания, и самые жгучие социально-нравственные проблемы.

Любовь к людям создает Человека, а если он талантлив — появляется художник.

Серия мучительных вопросов, терзающих сердце героя повести, в такой форме могла быть выражена только в произведении художественном, где личность автора отступила на второй план, где его исповедь стала исповедью его героя, а сам герой прошел через искреннее, доброе сердце и бескомпромиссное анализирующее око писателя.

Тема, сюжет (конкретно — работа хирургической клиники, в особенности — ее шефа, профессора) приобретают одновременно и прямое и косвенное (относительное) значение, так же как герой-профессор и автор-профессор связаны непосредственно и опосредованно. Больничные сцены — операции, переживания врачей и сестер, муки жен и мужей, любящих и любимых, — все это, неся в себе массу зорких, подлинных наблюдений над жизнью, в то же время не является самоцелью. Это не скрупулезное описание дней и ночей, скажем, одной из киевских клиник и ее руководителя профессора Н. Амосова, а лишь талантливо найденный повод рассказать посредством глубоко продуманной системы повествования о буре мучительных мыслей, захватывающих человека, которому приходится держать в руках человеческое сердце.

В руках — сердце человека!

А разве каждый из нас не держит в руке чье-либо сердце? И — помогает ему жить, быть счастливым, или небрежно сжимает его...

Повесть Н. Амосова — чрезвычайно характерное и волнующее литературное явление нашего времени. Эта книга доказывает, что эпоха проникновения в космос, расщепления атома и величайшей научно-технической революции не отодвинула на второй план проблемы человеческой души; наоборот, она поставила их с невиданной остротой.

Наука, в своих планах дерзающая смоделировать даже человеческий мозг (неслучайно умирающий в клинике гениальный Саша Поповский до последнего своего часа трудится над кибернетикой будущего), должна ради этой далекой цели познать человека во всей его

физиологической, социальной, общественной и психологической сложности, а это, в свою очередь, повелевает ей объединиться с искусством...

Перед лицом двух едва ли не равных для человечества возможностей — процветания или гибели — искусство, объединенное с наукой, стало возрождать извечные, дорогие, но иными из нас полузабытые понятия добра, совести, милосердия...

«...Милосердие. Это слово совсем вышло из употребления. Наверное — зря. Не нужен «бог милосердный», но «сестра милосердия» — было совсем не плохо. Когда-то это проповедовалось, а теперь — нет. Никто не говорит о жалости к ближнему как душевной доблести человека».

Главный герой повести «Мысли и сердце» профессор Михаил Иванович — человек беспощадной откровенности и самоанализа. Этой откровенностью и бескомпромиссностью наполнена и вся книга, в которой больше тяжелых драм и трагедий, чем радостей. Такова уж суровая правда дней и ночей клиники, где борются с самыми тяжелыми, обычным путем не излечимыми, недугами человеческого сердца.

Чем же, как не милосердием, незримой для нас, но тем более высокой отвагой души может ответить врач на страх и мольбу матери, ребенка которой может спасти только операция на сердце — многочасовая, с остановкою живого сердца, с включением искусственного, — сложнейшая операция, после которой никто не может сказать, что сердце снова начнет биться. Во имя милосердия врач идет на этот страшный риск — остаться с надорванной, кровоточащей душою, если ребенок умрет.

И страшно сказать: нередко он умирает и после того, как сердце начало работать, после того, как идеально вшитый искусственный клапан действовал безупречно.

Наука, хирургия, еще не может исправить все тяжелые пороки сердца, и даже удачная пересадка клапанов не всегда и не надолго спасает больного. Еще не до конца разгаданы барьеры несовместимости, трудны и темны загадки крови, далеко не исследованы все тайны нашей нервной системы.

Так не торопитесь же обвинять врача, даже если он, как Михаил Иванович, сам обвиняет себя. Он делает это от горького горя, от сердца, полного любви к людям,

сердца, которое не может примириться с тем, что так еще бессилён человек перед страданиями и тяжёлыми недугами. Не вы, а он, честный врач, первый познаёт трагедию противоречия между желаемым и возможным, между желанием продлить жизнь и неизбежностью смерти, жестоко и нелепо обрывающей жизнь.

Но не только непознанное, но и ошибки приводят к трагедиям. Стоило упустить из виду только один фактор — огнеопасность кислорода — и в камере, где так успешно проходили операции, возникает пожар, двое экспериментаторов смертельно обожжены.

Трагическая неизбежность безжалостно учит: путь к человеческому здоровью, прогрессу, счастью, путь от неполного к более совершенному знанию лежит через ошибки и жертвы.

...Любовь к людям сделала доктора Н. Амосова писателем. Сила этого великого добра — человеколюбия — наполнила его книгу трагедийной правдой, которая всех нас учит бережному отношению к жизни, вдумчивости и такой душевной доблести, как милосердие — ко всем, кто честно работает и живет рядом с нами.

2

«Не ошибается тот, кто ничего не делает», — говорит пословица. Да, это так.

Но согласитесь: это все-таки не дает нам права на ошибки.

Однако будем исходить из упрямых фактов жизни. Поскольку и разум наш, и навыки, и знания, и воспитание еще не совершенны, — мы (неизбежно!) допускаем ошибки и, значит, реально мысля, мы обязаны сделать из этого ясный, последовательный вывод: не обещаниями и заклинаниями, а только анализом ошибок можно их уменьшить в будущем.

Анализ ошибок — чрезвычайной важности задача, не терпящая ни ядовитого злорадства, ни легкомысленного бодрчества. Историю прошлого изучают для будущего, — для того, чтобы лучше, вернее, безошибочнее творить историю настоящего.

Вся наша литература, эта своеобразная художественная история, учила и учит жизни и уже потому анализирует также человеческие ошибки, моделируя тем самым

лучшее общество, благородные, гуманные характеры, мысли и чувства. Но есть произведения, в которых анализ ошибок подчеркнуто выделяется. И если за таким анализом встает партийная, коммунистическая позиция писателя и его цельная позитивная концепция общества и человека — тогда получается истинно гражданственное творение.

К такого рода острым аналитическим произведениям последнего времени, на мой взгляд, следует отнести повесть В. Тендрякова «Кончина»¹.

Каков по своей природе человек? Что приводит его к ошибкам? Что следует ценить в человеке больше всего? На эти, поставленные в повести Н. Амосова, вопросы по-своему откликается повесть В. Тендрякова «Кончина».

Н. Амосов предстает перед нами, главным образом, как философ, оперирующий широкими нравственными категориями. Тендряков отвечает на вопросы главным образом как социолог, анализирующий нравственные и психологические корни явлений. Но и в том, и в другом случае создаются произведения искусства. А искусство трудно переводить на язык логики, — издержки, неполнота анализа при этом неизбежны. И надо помнить, что никакое толкование не может заменить самого произведения: только в нем, с первого и до последнего слова, выражается мысль автора.

Для того же, чтоб издержек анализа было поменьше, необходимо найти «ключевые места» произведения и постараться в толкованиях его не отступить от главного направления авторской мысли.

Ключом всего замысла «Кончины» является сцена, когда Иван Слегов читает брошюру В. И. Ленина «Государство и революция»: «„Люди постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях правил общежития, без особого аппарата для принуждения, которое называется государством”».

Неужели привыкнут?..

...Привыкнут?

¹ «Москва», 1968, № 3.

Он знал пожарский мир, знал в нем каждого человека. Еще недавно все перегрызлись, когда делили тулуповские земли. Петр Гнилов, отец пятерых сыновей... бросился с колом на Митьку Елькина... И такие-то привыкнут без принуждения мирно жить, честь честью блюсти вежливые правила? Что-то не верилось.

Но потому-то и раскололась страна — одни верят, другие нет, одни глядят вперед, другие назад».

С этой сценой, переносящей нас к двадцатым годам, связано основное направление авторской мысли. Герои повести — Студенкин, Лыков, Слегов, Чистых — люди, которые стараются «глядеть вперед». Но все это таит в себе полемику с нашими знаниями, потому что добавляет к ним нечто существенное или вовсе опровергает их.

Мы привыкли ценить человека за его способность целиком отдавать себя большому, общенародному делу, мы считаем, что такой человек — «глядит вперед». Но если этот человек духовно беден, если им, как Матвеем Студенкиным, движет только ненависть к прошлому, он, взяв в руки власть, может злоупотребить ею...

Мы привыкли высоко ценить в человеке его деловые качества. А Тендряков говорит, что самые отличные деловые качества (лыковская способность «исправно везти воз») еще не делают человека «общественным, то есть человеческим», так как деловитость легко может перерасти в делячество.

Мы привыкли считать, что устремленность к нашим общественным идеалам — это главное в человеке, уже одно это делает его едва ли не прекрасным. А писатель говорит, что если эта устремленность не подкреплена необходимым научным знанием, которое одно только может дать веру даже в самые темные массы народа, тогда может случиться, что и такой искренний и умный человек, как Иван Слегов, однажды переломится от доброты — к злобе, к отчаянию и опустошенности.

Основные герои «Кончины» не только устремлены к общему делу, но и по природе своей они — люди не злые.

Гроза деревни Пожары Матвей Студенкин любил детей. Видать, с ними связана была для него, недавнего солдата, мечта о грядущем торжестве полной справедливости. Он строгал ребятишкам деревянные ружья-игрушки, и дети ходили за ним толпами.

Добр, красив и лицом, и душою был Иван Слегов, на всю жизнь сохранил он нежность к своей многострадальной жене Марусе. И о Евлампии Лыкове даже самый строгий его судья — племянник Сергей — говорит: «Был человеком!» Был Евлампий веселым, «быстрым на ногу», работающим, незлобивым. Был!

Между тем даже они — трое — не стали дружески близки, не стали той частью семьи, о которой мечтал когда-то, читая «Государство и революцию», Иван Слегов.

И не только Евлампий Лыков и его племянник Сергей, но даже отец с сыном Чистых не стали семьей. Племянник от восхищения дядей переходит к ненависти, отец становится врагом сына — не потому, что это люди разных поколений и мировоззрений. В «Кончине» ничего нет от старой проблемы «отцов и детей». В том-то и дело, что оба Чистых и оба Лыкова мировоззренчески близки. Их цели, казалось бы, настолько сходны, что даже жестоко пострадавший от Евлампия Лыкова Чистых — старший не обвиняет его («была борьба»), по-своему он даже гордится Евлампием («он сделал колхоз передовым»), и о себе говорит уверенно (как, наверное, сказал бы о себе и Лыков-старший): «Я перед народом чист, как слеза». Оба Лыкова и Чистых-старший — люди больших страстей и нелегкой жизни.

Нет, не возраст, не идеи разделяют этих людей. Раздел — глубже. И виден он с такою ясностью лишь одному художнику.

Эти люди, не жалевшие себя ради общего дела, действовавшие, — как каждый из них был убежден, — ради народного блага, протантовали к нему очень разные, а порою и не очень прямые тропы.

В тяжелом, небывалом историческом опыте каждый из них (отсюда исключим только Валерия Чистых) отыскивал себе путь, практически неведомый, и никто из персонажей повести не был достаточно подготовлен для того, чтобы безошибочно найти и пройти его. Но, может быть, только ныне стало ясно писателю, а вслед за ним и нам, — в чем же ошибка каждого из этих людей — от забытого Студенкина и до прославленного Лыкова.

В чем же ошибка? На этот вопрос художник отвечает, выдвигая как главный критерий ценности человека — умение его своим делом сближать людей одного класса

в крепкую, единую социалистическую семью, а главным пороком — невольное или вольное разъединение их.

Родственные связи, — говорит писатель, — сами по себе еще не сближают. Но в разобщенности, а порою даже враждебности родственников есть одна причина, и выражена она образно в первой главе повести, которая подчеркнута названа: «Матвей Студенкин — родоначальник».

Да, никакой связи по «родословному древу» не имеющих ни с двумя Чистых, ни с Евлампием Лыковым, ни с Иваном Слеговым, Студенкин однако и есть их «родоначальник», он, его «общественное поведение», и есть начало тех ошибок, которые несут разъединение, варьируясь в судьбах, в поведении и Лыкова-старшего, и Ивана Слегова, и других.

Основная ошибка Студенкина в том, что он захотел новое общество (пожарскую коммуну) создать немедленно — и силой одной только власти, одного принуждения. Социально-психологические корни этого человеческого характера достаточно ясны: беднейший из крестьян, человек, в котором накопилась вековая ненависть к царизму и «мировой буржуазии», ожесточившийся в империалистической и гражданской войнах (Матвей вернулся в деревню только в конце 1925 г.), он во многом родственен шолоховскому Макару Нагульному. На «левака» Нагульнова, однако, была разумная управа: стал добрым другом его, направлял его на путь истины приехавший в Гремячий Лог рабочий-большевик Семен Давыдов. Но таких, как двадцатипятилетний Давыдов на все деревни не достало, и в Пожарах Давыдова не было. (Кстати, это следует учесть, и не делать из «Кончины» слишком широких выводов: повесть, как впрочем и любое художественное произведение, не претендует на отражение всего богатства и всех сложностей реальной исторической жизни). Матвей Студенкин, возглавив власть в родной деревне, и на каждом шагу встречая сопротивление крестьян (не мнимое, а действительное сопротивление), в каждом мало-мальски крепком мужике стал подозревать «контру».

Причин для ожесточения в те трудные годы было немало, борьба (не выдуманная — действительная классовая борьба) приобретала порою самые крайние формы — в этой борьбе погибла жена Матвея, заживо сож-

женная в бане. Только разум зрелый, если не сказать государственный, мог бы разобраться в сложной обстановке деревни тех лет. Но Студенкин таким разумом не обладал. Он лишь все больше ожесточался, превратил свою власть в одну только силу, принуждающую и разящую. Он быстро нагнал на мужиков страху: «Мотри у меня!» — грозил он каждому. А угрозы, крутое администрирование не объединяют, они разъединяют, сеют не доброе чувство общности, а чувство отчуждения.

Созданная Студенкиным в приказном порядке коммуна в один год обнищала и развалилась. Рубака-Студенкин был человеком бесхозяйственным. Да и где, когда он мог научиться культуре хозяйничания?! Получив на опыте коммуны первый горький урок, крестьяне «спихнули» Студенкина.

Студенкина подвела неопытность, неразумие, Ивана Слегова — нетерпеливость, отчаяние. Оба споткнулись на одном и том же — на противоречивости крестьянской массы, на ее способности обернуться дикою стихией, бессмысленно уничтожающей все, что перестало быть личным и стало «общим». Студенкин ждал от крестьян немедленного подчинения, Слегов — немедленной сознательности. Оба жестоко просчитались.

Иван Слегов — новый образ в нашей литературе. Судьба Слегова — судьба редкая, исключительная, и художник сам подчеркивает это.

Единственный сын небогатых родителей, необыкновенно одаренный, Ваня Слегов — один из всей деревни — учился в гимназии и, как пчелка мед, собрав мудрость из книг, хотел этот мед отдать своим односельчанам. Он не только образован, начитан, он добр и совершенно свободен от крестьянского своекорыстия. Создав своими силами образцовую племенную свиноферму, с легкой душой он сам отдает ее коммуне. Но с каждым днем он все острее чувствует себя «юродивым», «белой вороной». Коммунары отвергли его настоятельные советы — развивать перспективное дело — свиноферму и быстро порезали свиней. («Это же грабеж, дикий, необузданный», — думает Слегов. И точно: грабеж!) Дело его ума и рук погибло. Студенкин над ним издевается. Мужики сторонятся его, он им не понятен, они не чувствуют в нем своего. И как ни кричит его душа — «Доверьтесь!», они доверились, когда избирали предсе-

дателя колхоза,— не ему, а Лыкову. Слегов с женою бедствуют, голодают. Доведенный до отчаяния, в полубезумии Слегов крадется ночью, чтобы поджечь колхозную конюшню. Здесь застаёт его Евлампий Лыков и оглоблей перебивает ему позвоночник.

Образ мгновенно деформируется — и внешне, и внутренне. Был красивый, умный, талантливый и добрый человек. Стал — безобразный калека с отнявшимися ногами, «злой», надолго разуверившийся во всем, человек с «выжженным» сердцем, по неизбежности работающий счетоводом у Лыкова, с которым связан тайною своего несостоявшегося преступления.

Но субъективно он, Слегов, остается честен, свой хлеб счетоводческий ест не зря. Он становится «повивальной бабкой» мыслей и дел Пийко Лыкова, его посохом. Вот тут-то и завязывается основная критическая коллизия «Кончины».

Пробивной, не жалеющий сил своих председатель и хозяйственно-проницательный, расчетливый Слегов — чем не идеальное содружество? Ведь то, что советует Иван Иванович Слегов, действительно всегда выгодно. Он учит Лыкова хозяйствовать разумно. Дальние поля, пока тягла мало, забросить, сосредоточить силы на ближних, куда можно и навозу побольше вывезти, — и вот колхоз и с хорошим урожаем, и с добрыми лугами. Дело? Дело! И немало таких действительно выгодных дел предложил Слегов и реализовал Лыков. Колхоз идет в гору.

Но что получается от союза административного нажима с обездушенным умом? И тут снова вспоминается: «Матвей Студенкин — родоначальник».

Хозяйствование Лыкова — Слегова дает результаты экономические, но не может дать результатов нравственных. Более того: здесь экономический рост чем дальше — тем больше иссушает «почву», все дальше отодвигает колхозников от коллективистской нравственности и психологии, все сильнее подчиняет многих одному человеку — председателю и отлучает этих многих от желания самим и вместе думать, вкладывать душу в дело общее. Да и зачем колхозу «Власть труда» правление, зачем «коллективный разум», если лучше и быстрее, чем Лыков со Слеговым, не решить дела? Действительно: зачем?

Никто еще до Тендрякова так не ставил вопроса — о противоречии между экономическим ростом одного хозяйства, окруженного хозяйствами бедствующими (вроде соседней Петраковской), и нравственными целями всего общества. Никто, кажется, не говорил так остро и убедительно о тех серьезных издержках — социально-психологических, этических, нравственных, которые сопутствуют экономике, направленной только на одну цель: на материальную выгоду для данного хозяйства.

Приглядимся к этому внимательно. Крестьяне «Лыкову верили, Лыкова слушались. Евлампий Лыков мог при случае припугнуть: «„Обратно к Мотьке под крылышко захотелось, оглянитесь на петраковцев — хороши ли?“ Это крепко помогало».

Мотька — Матвей Студенкин — здесь помянут не случайно. На Мотьке обожглись. Но он в колхозе обитает не только в качестве незаметного конюха, он остался родоначальником лыковского администрирования. Как и Студенкин, Лыков держит страхом. Грозит он не раскулачиванием (кулаков, и вообще «единоличников», больше нет), не высылкой (высылать больше некого), грозит самым насущным — куском хлеба. А что из этого получается — понял в дни кончины Лыкова умный Слеггов, особенно остро понял, когда увидел лыковского антагониста — Сергея: «Евлампий Лыков приказывает: делай, не то круто накажу, бойся! Что ж, приходится... Страшновато за себя, никак не за соседа. «Бойся»-то, выходит, вроде глухой стенки — людей разъединяет».

Заметим, однако, что это смекнул Слеггов уже в пятидесятых годах, когда появились такие люди, как Сергей Лыков. Мог ли он, умник Слеггов, увидеть это раньше, в самом начале, в тридцатых годах? Вряд ли. Когда страна совершила невиданный в истории революционный опыт сплошной коллективизации, когда крайне обострилась классовая борьба, и в деревне снова раздавались выстрелы, вырезался скот, сжигались посевы, — тогда действительно проблемой номер один становилось экономическое восстановление деревни». И такой же первой стала эта проблема после войны. Но писатель вовсе не для одной только истории прошлого обращается к пожарскому колхозу и его председателю. Проблема соотношения экономических и нравственных факторов крайне актуальна и ныне. Разве мы порою и сейчас не под-

черкиваем всячески экономические задачи, забывая о нравственных или уделяя им внимание явно не достаточное? Нам еще не ясны все причины сельской миграции, и иногда мы с умилением глядим на иного администратора, у которого крепкая хватка, железный кулак, и дела идут, как солдаты, то есть растет прибыль. Прибыль, а не люди, не единение коллектива!

Вглядимся еще раз в механику лыковско-слеговского преуспевания, раскрытого для нас художником в 1968 году.

Всесокрушающая старательность, личное (особенно на первых порах) бескорыстие председателя Лыкова и верный хозяйственный, экономический расчет Слегова создают доходное растущее «дело». Но каковы внешне незримые ущербы! Помимо разъединяющего страха, о котором уже шла речь, Лыков — Слегов, незаметно для себя, разъединяют людей еще тем, что приучают их не думать (за них думают председатель и бухгалтер), и они перестают чувствовать колхоз своим общим достоянием, общим делом. Психологический парадокс: люди формально вместе, а по существу — живут врозь. Их коллективистской, социальной психологии не дан толчок для роста.

Дело колхоза «Власть труда» развивается так, как развивал бы его расчетливый, своекорыстный единоличник, ради экономической выгоды не жалеющий ни ближних, ни дальних, способный ради прибыли на любую жестокость и бесчеловечность. Именно в голодный год, а затем в тяжелые военные годы Лыков, за счет урезанного у своих же крестьян трудодня, за драгоценный хлеб достает и самые дефицитные материалы, и — за кусок хлеба — в избытке рабочие руки эвакуированных женщин, заменяющих и тягло, и ненадежные эмтеэсовские машины. Именно в тяжелые годы Лыков идет «дорогой в рай» — новая конюшня, свинарник, — «о таком в добрые времена мечтать погоди...»

Опираясь на свой «посох» — Слегова, Лыков выводил колхоз в гору, наживаясь — даже сказать больно! — на окружающей Пожары народной беде. Не так ли поступали в иные времена барышники: чем в округе было труднее — тем барышникам вольготнее. Они народ дошлый и беспринципный: «Не обманешь — не продашь», «Не подмажешь — не поедешь».

Напористое хозяйничание Лыкова по существу ничем не отличается от деловитости «хозяйственного мужичка», готового ради приобретения новой лошади надорвать собственную жену. Только Лыков, этот председатель-единоличник, имеет в своих руках целый колхоз и оборот с капитала кладет не в свой карман, не на покупку личного коня (у него есть «личная» машина с мотором в пятьдесят лошадиных сил), а на колхозное строительство. Но эти новые конюшни и свинарники интересуют его больше, чем жизнь и быт пожарского крестьянина Пашки Жорова.

Да, Лыков от зорьки до зорьки в поле. Да, он в первую голову не о своем личном обогащении заботится (хотя в войну он на свои сбережения уже может купить и покупает танк — опять же не для себя, для фронта). Но он не только не советуется с колхозниками, он систематически их обманывает, как обманывал бы крепкий хозяйственный мужик-единоличник своих работников. Его расширяющийся строительный «размах» (в значительной мере вынужденный: чтобы излишки не забирали, приходится их быстро вкладывать в строительство) требует все новых и новых ограничений. Трудодень в колхозе хотя и не падает и даже, может быть, чуть растет, но не соответствует реальной затрате труда колхозника. Так обесценивается труд каждого, человек становится на земле не хозяином ее, а только работником-исполнителем, послушным лишь в силу боязни потерять то, что он имеет.

Так не развивается, не растет общественное сознание работников, а гаснет, исчезает, возвращается вспять — к индивидуализму. Раньше крестьянин деревни Пожары — единоличник — держался за свою собственность — за клочок собственной земли, теперь — за сравнительно полновесный свой трудодень. Психологически, нравственно, идейно — разница невелика.

В этом-то и состоит горькая, открытая художником правда лыковского преуспевания: его, такое эффективное экономически хозяйствование лишено общественных, коллективистских нравственных начал.

Человек, живущий, подобно Лыкову, только экономическими интересами своего села, становится опасен даже для тех, кого он облагодетельствовал хорошим трудоднем, то есть для своих же односельчан; люди перестают

быть социалистами по духу, они не чувствуют своего села как неотъемлемой части большой и единой Родины, да и в небольшой деревне они не чувствуют себя связанными в единый коллектив, потому что живут они «каждый за себя» и становятся по духу, по психологии своеобразными работниками-единоличниками в колхозе-единоличнике.

И чем богаче становится колхоз «Власть труда» — тем беднее духовно оказываются его люди, потому что материальное благополучие само по себе еще не делает человека социалистом, если оно не подкреплено идейно-духовными стимулами. Пожарцы, не жалея рядом живущих петраковцев, не жалеют и друг друга. Создается не социалистическое общественное хозяйство, объединенное высокими принципами коллективизма идей, чувств и помыслов, а «лыковская держава», где все держится на единоличной власти-силе Лыкова и страхе перед ним.

Пройдут годы, и в председателе незаметно и естественно разовьются самые непотребные для человека-коммуниста черты — безудержное честолюбие, барство (он имеет не только в своей деревне огромный «бесстыдно»-добротный дом, но еще отдельную квартиру в городе), он заведет себе и полюбовницу, которая затем станет его сводней.

Кабинет с тамбуром и личный шофер; хранитель лыковского спокойствия — заместитель председателя, беспринципный Валерий Чистых (его обязанность — отваживать просителей и принимать «на себя» их возмущение) — чем не державный владетель Пожар?

Ученик Слегова превзошел учителя, и когда тот, уже в старости, предложил было подумать и о избах колхозников и представил соответствующие расчеты, — Евлампий Лыков «логично» отверг их: новые расширенные масштабы строительства поглощают все ресурсы даже колхоза-миллионера.

Но чем благополучнее, чем лучше с хлебом в стране, — тем труднее Лыкову. И чем больше развивается в стране демократическое, общественное, коммунистическое сознание, — тем хуже Лыкову. В последние годы его жизни «что-то произошло в лыковской державе». Раньше сюда стремились из окрестных сел, теперь в Пожарах появляется первая брошенная изба. И ни новым

клубом, ни хвастливыми посулами не удержать Лыкову молодежь. Ей захотелось простора — духовного, общественного — своего, а не лыковского ей захотелось, ее не заманишь телевизорами и даже высокой зарплатой. Так в повести затрагивается и одна из причин сельской миграции — социально-нравственная.

«Лыковская держава» пришла в противоречие с духом социализма, с демократической сутью нашего государства, и потому она обречена. Но сама собою она не кончается. Лыковская экономика, многолетнее царствование Лыкова принесли немалый идейно-нравственный ущерб: они развратили сознание многих, люди привыкли к Лыкову, и даже обиженный, руганный им Пашка Жоров привык. «Евламий Лыков умер, Евламий Лыков жив. Жив в бабах, которые только что величали его «кормильцем», жив в Пашке Жорове, в бухгалтере Слегове теплится... Лыков стал привычкой. От своих привычек люди легко и быстро не отказываются — только с болью, только с боем... И бой не кончен, с умершими тоже приходится спорить. Спор ради тех, кто причитал по «кормильцу», спор против тех, кто готов кормиться именем Лыкова».

Мерю коммунистических идеалов оценены в повести дела и дни Евлампия Лыкова. Мерю этого самого гуманного добра подсказывает повесть трудный путь очищения от лыковского наследства.

Этот путь художник находит в самих людях — таких, как крестьяне деревни Петраковской и их бригадир Сергей Лыков, племянник Евлампия.

Сергею Лыкову, в прошлом военному летчику, награжденному многими орденами, очень удачливому офицеру — ни одного ранения за всю войну у него не было, — впервые по-настоящему пришлось задуматься над жизнью уже после войны.

Писатель проводит Лыкова-младшего через испытания учебой в сельскохозяйственной академии и практической работой в деревне. (Разумеется, эти «испытания» имеют и более широкий смысл: путь Сергея — это путь человека-коммуниста к пониманию жизни и достойного в ней самоопределения).

В сельскохозяйственной академии Сергей впервые чувствует, что загнан как бы в тупик: ни знаменитый Лысенко, ни «вся академия с ее лекторами и библиоте-

ками не может ответить» ему «на простой вопрос: почему петраковцы живут плохо, пожарцы — хорошо на одной земле, под одним небом?»

В самой постановке этого вопроса, в мучительном желании разрешить его — уже в этом Сергей противопоставлен своему дяде. То, что Лыкова-старшего вполне удовлетворяет (на фоне разоренной Петраковской особенно заметно богатство Пожар), — то вызывает недоумение и тревогу Лыкова-младшего. Человек, совершенно лишенный узкоместнических соображений, свободный от лыковского честолюбия и карьеризма, он, Сергей, истинный коммунист, — и уже потому ему равно дороги и петраковцы, и пожарцы. И не найдя ответов на главный вопрос, он возвращается в деревню, чтобы здесь, на опыте, самому разобраться в том, чего не могут объяснить ни профессоры, ни книги.

Дядя назначает племянника бригадиром в Петраковскую деревню, недавно присоединенную к укрупненному колхозу «Власть труда». Но Лыков-старший ставит Петраковскую на положение «автономии», то есть она должна сама, без особой помощи Пожар, выйти из разрухи. Сергей впервые испытывает жестокость своего прославленного дяди.

Выход из положения он находит в том, что можно назвать чистотой экономических, политических и нравственных расчетов истинного коммуниста, расчетов и дел, ничего общего не имеющих с индивидуалистической расчетливостью и делячеством.

Да, его больше всего волновало, почему петраковцы голодают, он весь в думках о людях, и он начинает с них, обращается прежде всего к ним.

Для него естественно отказаться от предложенного дядей нового дома в Пожарах, поселиться в Петраковской у старой бобылки Груни и вести такую же полуголодную жизнь, как и все в заброшенном селе. Это немаловажно, но не это главное.

О главном в поведении Сергея хорошо рассказывает старый Слегов своей жене Марии. Рассказывает, с какой откровенностью и без пустых посулов поведал Сергей всей бригаде о трудном, почти бесперспективном положении Петраковской: тягла нет, здоровых мужиков нет, помощи ждать неоткуда, — председатель дал зерна только на посев. Можно, конечно, пустить его на помол,

и все будут с долгожданным хлебом, но не надолго. А там — снова нужда... А можно сделать иначе, — посеять хлеб, хотя это и очень трудно.

Сергей показывает бабам зерно — хорошее зерно. Он отдает ключ от амбара с зерном одной из рядовых колхозниц: все в их власти, пусть сами решают, как сделать лучше.

И пять часов терпеливо слушает Сергей, как, сбиваясь с главного, но и не минуя его, болтают бабы. И отделив главное от второстепенного, бригадир делает правильный вывод из общего мнения ответивших доверием на его доверие женщин. (Эти страницы, по контрасту вызывающие в памяти сцены «бабьего бунта» и спасенных ключей от амбара с зерном в «Поднятой целине», могут означать лишь тот факт, что и время и люди за тридцать лет разительно изменились).

Петраковские крестьянки решили вручную, на волокушах, развезти навоз в поле и посеять хлеб. И все это сделали невиданно дружной работой. И урожай получили на славу.

Конечно, Сергей сам мог бы в пять минут решить, как следует поступить в этой трудной ситуации. Но он хорошо понимает, что сдвинуть Петраковскую от нищеты к процветанию можно только сообща, только опираясь на сознательную волю всех, что преодолеть уныние и безнадежность, которые породила царившая много лет в Петраковском колхозе бесхозяйственность, можно только в подъеме успешного совместного труда.

Может быть, Сергей при этом специально и не думает об особой силе коллективной психологии, пробуждающейся в массе людей, когда они сообща решают важное для них дело. Но, исходя из верных общественных принципов своего доброго, разумного, коммунистического сознания, он добивается пробуждения именно такой активной социальной психологии масс, делающей их всесильными.

Умный Иван Слегов, специально побывавший в Петраковской, объясняет своей жене, что если б Сергей приказывал да устрашал — бабы тоже работали бы, но работали б за страх, а не за совесть. А по собственному разуму решив одолеть тяжелую работу, эти бабы горло перегрызут тому, кто им помешает. Слегов замечает не только принципиальную противоположность действий

Евлампия и Сергея, но и противоположность нравственных результатов. Евлампий разъединяет людей. Сергей не поучениями, а доверием создает условия для объединения людей.

В самих людях заложена огромная сила добра — способность к щедрой взаимопомощи, желание трудиться вместе, самоотверженно, уважая друг друга. Нужно лишь искренне верить им, их разуму и сердцу, не злоупотребляя ни терпением, ни доверием их. И тогда будет не мифическое «чудо», а подлинное, радостное возрождение людей и хозяйства — чудо Петраковское.

Лыковско-сlegовскому делячеству, расчетливости и администрированию Тендряков противопоставил экономический эффект, которого добился Сергей Лыков, эффект, органически сопутствующий воспитанию людей-коллективистов и объединению их в одну социалистическую семью.

Мы, однако, отступили бы от главного направления мысли повести, если бы закончили свой обзор на этом. В «Кончине» главным героем является все-таки не Сергей, а Евлампий Лыков. И уместно будет еще раз вернуться к нему, вчитаться в те начальные страницы повести, где в описании лыковского дома заключена обобщающая эстетическая и нравственная оценка «дел и дней» Евлампия Никитича, оценка, основанная на народном представлении о добре и красоте.

«Дом отличался от других домов не красотой, не игривостью резных наличников, а тяжеловесной добротностью: кирпичный фундамент излишне высок и массивен, стены обшиты пригнанной щелевкой, оконные переплеты могучи, крыша словно кичится, что на нее пошло много кровельного железа, в железо упрятаны по поясу трубы, сверху на них красуются грубые жестяные короны, стойки-лотки несоразмерной величины и длины. Добротность дома не просто откровенна, она назойлива и даже чем-то бесстыдна.

Хозяин, который строил этот дом, по-мужицки считал — красиво то, что вечно. Ему самому вечность была не суждена. Сейчас он умирал в этом доме».

Обратите внимание на смысловые оттенки, которые приобретает в этом описании слово «добр»: это и добротность, крепость и нечто прямо противоположное: грубость, бахвальство.

Внешняя некрасивость этого дома как бы выявляет внутреннюю, нравственную некрасивость своего хозяина. Впоследствии мы узнаём, что внутри этого дома — запустение, горе обездоленной, запуганной женщины, пьянство великовозрастных детей, атмосфера лжи и разброда, сохраняющая внешнюю упорядоченность только под воздействием страха перед всемогущим хозяином. Но он умирает, и вместе с ним «кончается», нравственно «взрывается» дом: перепившиеся сыновья совершают убийство, их мать, много лет молчавшая, почти закаменевшая от жестокостей мужа, разражается проклятиями. Ошибся Лыков: то, что он считал вечным и красивым, оказалось смертным и ужасным.

Собственно, о смерти Лыкова более подробно говорится лишь под конец, в небольшой главке «Смерть», но книга названа «Кончиной» потому, что физической смерти этого человека предшествовала духовная, идейная, нравственная, и чтобы проследить историю этой, уходящей истоками в прошлое, кончины, потребовалась большая повесть.

Книга не заканчивается главою «Смерть»; за нею идут еще две — «Недобрая ночь» и «Последний путь», потому что вместе со смертью Лыкова еще не уходит то, что его создавало, и то, что было посеяно им.

Человек, говорит повесть, может жить долго в своих честных, добрых помыслах и делах, как Сергей Лыков и тысячи ему подобных, — такие, мы говорим, не умирают. Они остаются жить в нашем общем деле и доброй памяти людской.

Но он же, человек, вроде Евлампия Лыкова, еще при жизни своей роковым образом гибнет в тяжелых ошибках, которые не считал ошибками, в заблуждениях, в отступлении от великих идейных заветов, гуманного человеческого смысла которых он так до конца и не постиг.

А выживает, остается отнюдь не то, что только внешне кажется крепким. Не случайно в «Кончине» обезноженный Слегов переживает «быстро на ногу» Евлампия. Радость, с которою рассказывает Иван Иванович Слегов жене о Сергее, узнавая в нем себя молодого, приобретает особый радостный смысл в этой, не изобилующей лирическими сценами повести: все из былого, сохранившее живое биение коллективистской мечты, талантности, честности — все это остается в жизни,

в настоящем, наполняясь в новых условиях новыми силами.

Но, как и добрые дела,—тяжелые ошибки, заблуждения, недомыслие тоже имеют свойство оставаться в жизни как привычка, они передаются нам по наследству, как иные тяжкие недуги родителей.

Так в «ключевых» образах, в композиции, в стиле запечатлено богатство мысли художника, отстаивающего идеи и нравственные ценности нашей жизни, нашего доброго, гуманного коммунистического дела.

Будущее — за Лыковым Сергеем, возвращающим людей к Родине с ее народной красотой и революционной чистотой. И это будущее неодолимо, потому что всем нам нужна и дорога именно такая — революционная, ленинская Родина, объединяющая нас в одну семью. Для нее мы и живем.

Мне не кажется «Кончина» во всем безупречной. Публицистическая, острая социальная направленность повести иногда так подчеркнута, что это делает иные ситуации иллюстративно-рационалистическими, мотивированными психологически недостаточно, например, попытка Слегова поджечь конюшню. Некоторые образы (Чистых-старший) остаются едва намеченными, схематичными. Правда, многое здесь обусловлено самим замыслом: повествование разворачивается быстро, в течение нескольких дней, как серия проносящихся картин-воспоминаний. Но это неизбежно приводит к беглости, конспективности ряда сцен, к недостаточной выписанности деталей и психологии. Автор словно торопится сказать нам то, что он считает важным. Оно и действительно важно для всех нас. И мне не хочется подробнее говорить о недостатках «Кончины», и при них эта повесть — своевременное и заметное в нашей литературе произведение.

3

Иные критики и теоретики с искренней тревогой говорят: если художник будет изображать тяжелые драмы жизни или трудные страницы истории, это может создать в обществе настроения уныния и скептицизма. Но ведь такая посылка основана на недоразумении: она не учитывает мировоззрения как решающего фактора в художественном творчестве.

Ведь если художник и читатель стоят на позициях марксистско-ленинского мировоззрения, тогда никакая правда не обернется для них тупиком уныния и скептицизма, тогда любой правдиво схваченный — пусть даже самый драматический — факт бытия будет так идейно освещен, что послужит активизации революционного сознания, а не усыплению его. Трудности жизни и сложные ее проблемы страшны лишь мещанину. Искусство социалистического реализма ориентируется на социалистическое сознание народа, а не на мещанство и не на мещанское представление о «герое». И никому из нас не вредно снова и снова вдумываться в ленинские слова, отмеченные знаком NB: «Познание есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту. Отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их» (выделено Лениным)¹.

Жизнь как идейно-эстетический объект, сама жизнь, прежде всего, вносит коррективы в искусство, и, подчиненное ее богатству, искусство помогает движению жизни. Так В. И. Ленин увидел в творчестве Льва Толстого кричащие противоречия многомиллионного патриархального крестьянства и призвал авангард рабочего класса избавиться от «исторического греха толстовщины».

Во все периоды развития социалистического реализма (если брать действительно наиболее полноценные произведения) советская литература была верна правде жизни, не мыслимой без противоборства добра и зла, творчества и косности, революционных идей и чувств — с мещанскими. Разве в Чапаеве и его среде (нарисованных талантом Дм. Фурманова в романе «Чапаев») мало косного и ограниченного? Разве мало духовной сумятицы и жестокости в казачестве, изображенном в «Тихом Доне»? Разве мало путаницы в сознании интеллигентов, изображенных в «Хождении по мукам»? Всего этого немало, потому что так было. Но вместе с тем обаятелен Чапаев потому, что автор любил его, ибо был истинным ленинцем, и видел в нем (в таком, каков он

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 29, стр. 177.

есть) огромные задатки и талант народа. И трагедийная фигура Григория Мелехова волнует нас поныне потому, что отношение к нему художника — это отношение гуманиста, видящего могучие задатки народной природы даже тогда, когда человек-Мелехов заблудился на исторических перепутьях.

Можно бы приводить еще много и много иных примеров, но все они будут говорить примерно об одном: не дозировкой «положительного» и «отрицательного», противоречащей природе искусства, а только глубиной революционно-гуманистического проникновения в человеческий характер и историческую жизнь определяется сила нашего искусства и направление его развития как социалистического реализма.

Появление многочисленных остроконфликтных произведений в послевоенные годы вызвано воздействием самой действительности, требовавшей сосредоточить внимание на целом ряде экономических и социальных проблем, на восстановлении ленинских принципов и норм в государственном, народнохозяйственном и партийно-общественном строительстве. И это процесс всенародного движения, это подлинно массовое устремление к коммунистическим идеалам. Более того, бывает, что именно пафос критики и есть высшее выражение партийности, верной политической установки. Вспомним, как обрадовался В. И. Ленин стихотворению В. Маяковского «Прозаседавшиеся» и как объяснил свою радость: «...давно не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно»¹.

Остро, беспощадно высмеять бюрократические замашки иных любителей заседать — это, как видим, В. И. Ленин считал «совершенно правильной» политической позицией. И это правильно поныне, ибо бюрократизм еще не изжит, нет, и борьба с ним — актуальнейшая задача.

Последовательные диалектики смотрят на действительность революционно-критически, такой взгляд

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 45, стр. 13.

предохраняет и от идеализации, и от преувеличений, и от паники. Смотрят критически, поскольку понимают: только трезвый анализ ошибок минувшего и различного рода упущений и ошибок в настоящем дает возможность ускорить прохождение дистанции от хороших идей и основательных планов-реформ до их воплощения в действительность. Смотрят революционно-критически, поскольку никогда не теряют из виду революционных целей и перспектив, и знают: эти великие гуманистические ценности не меняются с течением времени. Но за них нужно уметь бороться, и, как справедливо писал В. Овечкин, «надо иметь моральное право на ту или иную резкость, на применение тех или иных форм борьбы, чтобы не было петушиных наскоков...». Это — не проповедь обывательской осторожности, а желание научить «умным и тактичным формам борьбы с обывателями...».

Умным и тактичным! — вот в чем дело. Наше современное гуманистическое наступление должно быть направлено не только против яда, лжи и хитрости радиокино- и книжной пропаганды, идущей к нам из-за рубежа. Немалой борьбы и усилий требует преодоление бюрократизма мысли и поступков, косности и эстетической глухоты. Необходимо в нашей культуре и искусстве развить это жизненно важное стремление и умение воспитывать умных и тактичных борцов, черпающих политические идеи и нравственные силы в решениях партии, в теории классиков марксизма-ленинизма, в жизни.

Далеко не каждое произведение можно проверить философскими критериями. Но есть одно гуманистическое чувство, характерное для лучших произведений советского искусства, которое нужно оберегать от коррозии и деформации — это чувство исторического оптимизма. Я бы сказал, что в таком оптимизме — истинная, высшая доброта искусства.

Поскольку исторический оптимизм мне представляется одним из основополагающих и постоянных мировоззренческих и этических качеств всех форм искусства социалистического реализма, я считаю допустимым сравнить с этой точки зрения два художественно неравноценных произведения, созданных в разные эпохи: повесть Василя Быкова «Круглянский мост» (1969) и повесть А. Фадеева «Разгром» (1926). Оба эти произведения связаны с жизнью партизан, оба посвящены траге-

дийным событиям — все это позволяет, — конечно, с необходимой осторожностью, — сближать их.

В «Круглянском мосту», написанном художником тонким и своеобразным, главное место занимает восемнадцатилетний партизан Степка. Измученный, худой, прозванный «Сдыхлей», покрытый чирьями, он посажен в яму за тяжелый поступок, который совершил в минуту отчаяния. Степка ждет разбирательства, терпит и, как говорит о нем автор, — уповает «на справедливость — должна же быть на земле справедливость!»

Так вот, есть ли она, справедливость? Как отвечает на этот главный вопрос повесть?

Все наиболее честные, справедливые люди, помянутые в «Круглянском мосту», быстро погибают: чтобы спасти от немедленного уничтожения семью крестьян, прятавших партизан, сам себя отдает на расстрел «сердобольный комбриг» Преображенский; погибает сердечный, не пожелавший унизиться перед врагом командир Ляхович; гибнет справедливый и добрый Маслаков. А вот Бритвин, который иронизирует над справедливыми людьми («Терпеть не могу таких умников... Не дай бог невинному пострадать!»), — Бритвин остается жив. Как истый иезуит, он считает, что цель оправдывает средства. Он крайне жесток, не задумываясь, он может убить и своего товарища (и убивает «будто за нарушение дисциплины» Маланчука). Обманом он послал подростка Митю на верную смерть.

Сами по себе такие характеры и сцены не могут вызвать возражений: на войне — и среди партизан — были люди всякие, встречались и Бритвины. Но повесть не об этом. Она ставит два глубоко важных нравственных вопроса. Первый: может ли война оправдать жестокость? И отвечает с полной определенностью: нет, не может. Холодные, циничные и жестокие Бритвины нетерпимы в обществе, советский человек в любых условиях должен оставаться человеком.

Но еще более остро в повести ставится второй вопрос: а как же справедливость, торжествует ли она, находится ли она в согласии с нашими представлениями о том, каким должен быть человек? И вот на этот вопрос повесть определенного ответа не дает и даже создает впечатление, что торжество справедливости — явление редкое и, скорее, случайное.

Судите сами: Степка, «как волк», посажен в яму. Эта яма крепко западает в память читателя, потому что она образует композиционное обрамление повести: с нее начинается и ею заканчивается «Круглянский мост». В яме Степка вспоминает, как Бритвин обдумано погубил подростка Митю ради того, чтобы взорвать мост, и, вспоминает, как тогда он, Степка, бросил ему в лицо обвинение в убийстве мальчика. а когда Бритвин ударил его прикладом по голове и боль пронзила его «от шеи до пят», он, потрясенный обидой, выстрелил и ранил Бритвина. Все, что описано в повести,— это воспоминание сидящего в яме Степки.

Кончается повесть такой картиной. Беспринципный Данила (один из трех оставшихся участников операции) приходит к яме и уговаривает Степку «сказать, что нена роком. Случайно, мол, автомат выстрелил. А про Митю того молчок. Взорвали, и все». Так поручил Даниле Бритвин «уладить» дело со Степкой. Но тот отказывается от бесчестного сговора. И ждет:

«Комиссар разберется.

Не может того быть, чтобы не разобрался.

Пусть едет комиссар!»

На этом и заканчивается повесть. Разберется ли комиссар? Ответа на это нет. В восприятии же читателя эмоционально зафиксировано другое: масса несправедливостей, откровенный цинизм людей жестоких и неблагородных, гибель честных и добрых, страшная смерть ни в чем неповинного подростка Мити, и— Степка в яме. Конечно, художник, ради возбуждения активного чувства справедливости, может создать ситуацию, подобную «Круглянскому мосту». Но не слишком ли велики получаются в этом случае потери? Веры в торжество справедливости здесь нет, она не появляется, повествование вызывает лишь чувство сострадания к людям добрым и честным, которые, увы, бессильны перед лицом жестокости и несправедливости. Так оптимистический взгляд на жизнь может незаметно оттесниться чувством безнадежности и отчаяния.

Конечно, чувство исторического оптимизма (неотделимое от всей системы нашего гуманистического мировоззрения) может быть выражено с тем большей полнотой, чем крупнее в духовном отношении центральный герой или главные герои произведения. Таких, как Степ-

ка, немало было и в партизанском отряде, почти поголовную гибель которого описал в «Разгроме» А. Фадеев. Сюжетные коллизии в «Разгроме» не менее, а более трагедийны, чем в «Круглянском мосту». Но Фадеев в центр повествования выдвинул вместе с самоотверженным Морозкой — испытанного жизнью человека-героя, активного борца за революционную справедливость.

Такой герой приходит к самой простой и самой нелегкой мудрости: «Видеть все так, как оно есть, чтобы изменить то, что есть, приблизить то, что рождается и должно быть». По сути, это и есть революционно-критическое отношение к жизни, — трезвое, правдивое, глубокое. И лишь героическая, неукротимая «жажда нового, прекрасного, сильного и доброго человека» (как писал Фадеев), проникающая в любую тему, делает литературным искусством гуманизма наступательного, атакующего, ведущего за собой миллионы. Ибо только такое искусство проникается вдохновляющим людей историческим оптимизмом.

Характерна концовка повести А. Фадеева. Выведя из кровопролитного боя остаток отряда и узнав, что Бакланов погиб, старый командир плачет. Но вот «Левинсон обвел молчаливым, влажным еще взглядом просторное небо и землю, сулившую хлеб и отдых, этих далеких людей на току, которых он должен будет сделать вскоре такими же своими, близкими людьми, какими были те восемнадцать, что молча ехали следом, — и перестал плакать; нужно было жить и исполнять свои обязанности».

Вот так человечно, без единой громкой фразы, может выразиться это великое чувство преодолевающего трагизм оптимизма. Его благородство — в скромности и подлинности, за которыми ощутима и светлая память о Баклановых и Метелицах, и непоколебимая уверенность в победе. Над любыми трудностями. И над любым врагом.

Такие значительные, хотя далеко не во всем бесспорные, произведения, как романы «Горячий снег» Ю. Бондарева, «Три минуты молчания» Георгия Владимова и светлые, несмотря на трагедийный сюжет, повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие» и «Дикарка» Магомед-Расула свидетельствуют о том, что наша художественная литература чутко откликается на гуманистические потребности времени.

При всем многообразии многонациональной советской литературы, для ее лучших образцов всегда была характерна любовь к человеку, человеку-созидателю, непоколебимая вера в его духовные силы, всепроникающий дух взаимного уважения, поэтизация труда и самозабвенного патриотического подвига как надежных основ социалистической культуры; активная и открытая борьба против всего, что тянет человека и общество вспять,— вот что, действительно, образует то главное в идейно-нравственном и духовно-эмоциональном звучании, в пафосе социалистического реализма, что создает ему авторитет в стране и мире.

Наше сложное время требует многообразно возбуждать в людях чувство разумного исторического оптимизма, мобилизующего все духовные и творческие силы человека; время требует от искусства показать всю красоту, все подлинно-героическое, гуманное, творческое, созидательное, что есть в человеческой личности. Это — требование всех людей, жаждущих жизни, свободы, счастья, обретения высоких идеалов. Тем более это требование должно быть понятно нашему искусству, никогда не отделявшему себя от мира, от интернациональных задач человечества. В многозвучном нашем искусстве должно звучать больше и сильнее атакующей бодрости, жизнерадостности борцов и мыслителей, знающих, ради чего они живут. Кому же, как не нам, разливать по миру присущий Октябрю революционный оптимизм?

Никакая другая литература мира не может ныне выполнить этой высокой миссии духовного спасения и возрождения человека и общества так, как литература советская, основанная на самой гуманной и глубокой философии человечества — научном коммунизме и имеющая уже полустолетний опыт развития. Нелепо было бы думать, что ради этой цели литература должна стать в жанровом и тематическом отношении однообразной. Ничуть. Как осваивала она мир во всем многообразии его — так и будет осваивать. Но время призывает активизировать гуманистическое наступление. А это значит — проникнуться героическим и оптимистическим духом, по которому так истосковался и которого так ждет человеческий мир. Нужно всем нам — и писателям, и читателям, и критикам сообща наращивать эту важнейшую силу нашего гуманного искусства.

СОДЕРЖАНИЕ

3	МОЦАРТ И САЛЬЕРИ
36	ОТЕЦ И СЫН
84	О СИЛЕ ДОБРА
113	ТРЕВОЖНАЯ ЛЮБОВЬ К ЧЕЛОВЕКУ
129	ПОЭТ И ПРИРОДА
147	ПРОТОТИПЫ ПОЭМ Э. БАГРИЦКОГО
154	СЛОВО О ЯЛМАРИ ВИРТАНЕНЕ
164	ОТ «ЛИРИКИ» К «ОГНЮ»
174	ВЛАДИМИР МОРОЗОВ
183	РОМАН О ФИНСКОМ ДАНКО
191	ВЕСЬ ДЛЯ ЛЮДЕЙ
211	ГОРЬКИЙ И СЕВЕР
248	ГОРЬКИЙ ЧИТАЕТ «ВОСКРЕСЕНИЕ» Л. ТОЛСТОГО
259	В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ М. ГОРЬКОГО

Леонид Яковлевич Резников

ГУМАНИЗМ, ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ, МАСТЕРСТВО

Статьи и исследования

Редактор *В. И. Чернецова*. Художник *Ю. Ф. Гусенков*. Художественный редактор *Л. Н. Дегтярев*. Технический редактор *Л. В. Шевченко*. Корректор *Л. Т. Падафей*.

Сдано в набор 19/X-1972 г. Подписано к печати 15/III-1973 г. Е—0207. Бумага 84×108¹/₃₂. № 1. 18,06 усл. печ. л., 18,79 уч.-изд. л. Изд. № 161. Заказ 4754. Тираж 2000. Цена 91 коп.

Издательство «Карелия». Петрозаводск, пл. им. В. И. Ленина, 1.

Типография имени Анохина
Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Совета Министров Карельской АССР
Петрозаводск, ул. «Правды», 4.